

СВОЕОБРАЗИЕ ВЛИЯНИЯ И. А. ГОНЧАРОВА НА МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПРОЦЕСС

В. И. Мельник, Т. В. Мельник

Работа выполнена при поддержке РГНФ. Грант 08-04-00079а
«И. А. Гончаров и мировой литературный процесс».

Исследователи так или иначе уже обращались к проблеме литературных традиций в творчестве И. А. Гончарова. Особенно часто речь идёт о влиянии на его творчество А. С. Пушкина¹ и Н. В. Гоголя². Влияние на Гончарова мировой и русской литературы – от античных авторов до его современников – изучено значительно хуже. Изучение мировой и отечественной литературной традиции в творчестве Гончарова – всё ещё в перспективе будущего. И совсем плохо обстоит дело с попытками выявить влияние самого автора «Обломова» на русский и мировой литературный процесс. Начать с того, что в научный оборот всё ещё не введён необходимый литературный фактический материал. Нам слишком мало известно о фактах открытого, а потому так или иначе фиксируемого влияния Гончарова на современников и позднейших авторов. Но главное заключается в проблеме «скрытого» влияния Гончарова на литературный процесс. Дело в том, что «открытые», «фиксированные» случаи влияния по своему литературному значению, как правило, весьма незначительны. Гончаров не оказывает и не может оказывать влияния своим слишком «нейтральным» стилем. У него нет таких философски определённых идей, как, например, у Ф. М. Достоевского. Тем не менее факт его заочного присутствия и воздействия на современный литературный процесс несомненен. И. А. Гончаров был «тихим» писателем. Все свои великие художественные открытия он сделал не входя ни в какие литературные группировки и союзы, без шума и деклараций, и даже без акцентировки. Единственное его «скандальное» произведение «Необыкновенная история», в котором излагалась история его взаимоотношений с И. С. Тургеневым, не предназначалась им для опубликования при жизни своей и Тургенева. Столь же тихим, но мощным, всепроникающим оказалось влияние Гончарова на русскую и иные культуры и даже субкультуры. Всё дело в том, что Гончаров оказывает воздействие на окружающую литературную среду не идеями и декларациями, которые можно просто цитировать, а пластическими образами, прежде всего, конечно, образом Ильи Обломова.

При этом следует учитывать, что Гончаров был и в какой-то степени остаётся «элитарным» писателем, то есть таким, мысли которого вычитываются, что называется, «между строк». Гончаров требует для своего понимания значительных интеллектуальных и духовных усилий, работы ума и души. От этого Гончаров мало интересен «массам». Совершенно права поэтесса Лариса Васильева, сказавшая о том, что Гончаров заслуживает гораздо большего признания: «Он не прочитан и, увы, не будет прочитан, заслоненный литературами десятого и пятнадцатого сорта».³ По степени интереса к произведениям Гончарова, по сути дела, можно судить о глубине не только читательской, но и писательской личности. Наши наблюдения в

рамках анкетных опросов писателей в течение ряда лет (1990–2000-е гг.) показали, что вполне ясны и всем интересны лишь два его произведения. Во-первых, это «Фрегат “Паллада”», книга, абсолютно лишённая главной эстетической особенности романов Гончарова, – их «зашифрованности», прикровенности мыслей. Напротив, «Фрегат “Паллада”», при всей интеллектуальной концентрированности, даже концептуальности, – это книга абсолютно открытая, мудрая и весёлая. Если она и неизвестна очень широкому («массовому») читателю сегодня, то по причинам, от самого автора и его книги абсолютно не зависящим. Второе произведение, ставшее хрестоматийным и при этом кажущееся понятным и доступным абсолютно всем, – это роман «Обломов». Концентрированное, глубокое и в то же время прозрачно-простое, фольклорное по духу изображение русского национального характера в лице Ильи Ильича Обломова сблизило Гончарова с русским (да и не только русским) человеком всех времён. Этот оригинальный авторский вариант «Иванушки-дурачка» и одновременно обессиленного каким-то скрытым грехом «Ильи Муромца» нового времени стал наиболее глубоким и ярким выражением характера «русского человека» как такового. Обломов стал выражением русскости как таковой – в её положительном и негативном виде. В Обломове заключена тайна русского национального характера, как заключена она и в сказочном Иванушке-дураке. В Обломове романист сумел прикоснуться к самым затаённым глубинам живой, «переливающейся», постоянно играющей прекрасными и никудашными качествами народной души. Исполволь и как-то незаметно была выполнена Гончаровым колоссальная, по сути требующая гениальности художественная задача. Создавая свой миф об Илье Обломове, Гончаров высказался о России, русском человеке и русской истории, притом высказался мудро, неоднозначно, без подведения итогов, сохраняя широту фольклорного мышления. Весьма характерный факт приводит в своей статье о восприятии романа «Обломов» в Венгрии исследовательница Ж. Зёльдхейи-Деак: в ответах на анкету о любимых книгах в 1902 г. из 34 венгерских писателей ни один не назвал «Обломова», хотя венгры имели возможность прочесть роман на немецком языке. Зато после появления перевода «Обломова» на венгерский язык в 1906 году в двух подобных же анкетах (1918 и 1937 гг.) уже целый ряд венгерских деятелей культуры называют «Обломова» как одну из любимейших книг. Очень интересен комментарий исследовательницы: «Несмотря на то, что Гончаров был менее известным в Венгрии, чем Тургенев или Толстой, с начала XX века на Обломова ссылались чаще, чем на любого другого русского литературного героя»⁴. Почти с уверенностью можно сказать, что и в других странах, где Гончаров известен менее чем Достоевский или Толстой, всё-таки именно Обломов является главным русским литературным героем. Этот характерный факт как раз и отражает одну из граней так называемого «феномена Гончарова».

Уже похороны Гончарова обнаружили, что русское общество восприняло жизнь писателя и его творчество как эпохально значимые. Многие ведущие русские газеты посчитали своим долгом опубликовать итоговые статьи о его жизни и творчестве. Так, газета «Неделя» писала: «По широте замысла и исполнения, по художественной ясности и пластичности изображений, Гончаров едва ли имеет

себе равного в нашей литературе, – да, может быть, не столько в нашей, но и вообще в новейшей литературе европейской»⁵.

На наш взгляд, эта феноменальная особенность Гончарова-художника заключается в его необыкновенной, если не сказать – гениальной, способности синтезировать важнейшие для него идейные и эстетические факторы, с несомненностью заявившие о себе в истории человечества, факторы, в которых оформились попытки человечества осмыслить коренные вопросы жизни и бессмертия. Указанная способность, в сущности, есть талант необыкновенного чувства меры, симметрии и пропорции. Гончаров уравнивает и гармонически сочетает в своих текстах, казалось бы, совершенно противоположные принципы анализа жизненных явлений: античность и Православие, позитивную науку и безусловную веру, народное мирозерцание и философские идеи. Его художественный стиль можно обозначить как синтезирующий и «переплавляющий». Наиболее близким в этом отношении себе Гончаров считал Пушкина – и во многом ориентировался на него. В какой-то мере такая способность к художественному «синтезу» свойственна многим современникам Гончарова, русским писателям XIX в. Но ни один из них не может сравниться с автором «Обломова», поскольку данный синтез – не черта его стиля, а его идейно-смысловая и художественная доминанта. Гончаров – писатель не явно выраженного стиля, не какого-то определённого направления. Многие, не пожелав разобраться, принимали его способность к синтезу за обезличивание стиля, в основе которого лежит элементарное мещанство и равнодушие. Правду сказать, разобраться в едва заметных «выпуклостях» гончаровского стиля, выдающих то, из каких составных частей и с какой целью «сплавлены» в его текстах самые разнородные элементы, весьма непросто.

Особенно сложно поэтому увидеть собственно влияние Гончарова на дальнейший литературный процесс – русский и мировой. Многие отечественные и зарубежные исследователи называли имена больших писателей, таких, например, как Джойс, в качестве литературных «наследников» Гончарова, но при этом не могли чётко сформулировать принципы преемственности, оставляя ряд неразрешённых вопросов. И это естественно. Легко увидеть литературных преемников Н. В. Гоголя, М. Е. Салтыкова-Щедрина, В. В. Маяковского, но гораздо сложнее – А. С. Пушкина, И. А. Гончарова, даже А. П. Чехова. Художественные открытия Гончарова залегают глубоко внутри его творчества, часто на уровне интуитивного (как, например, образ Обломова). Ибо только интуитивно, а не сознательно можно было свести, «сплавить» в образе Обломова столько разнородных и не рассыпающихся на части жизненных стихий. Эта загадка романиста до сих пор притягивает к себе самых различных художников, которые обнаруживают свою тягу далеко не всегда явно. Скорее писатели пытаются понять художественную тайну Гончарова, пробуют применить его метод синтеза, акцентируют в «бесконечном» образе Обломова отдельные черты, актуализированные современной жизнью... Не нужно быть пророком, чтобы предвидеть, что Гончаров неизбежно станет одним из самых востребованных в мире русских писателей – хотя, как всегда, не для широкой публики. Его литературное восхождение в Европе и Америке, немислимое, казалось бы, ещё не так давно, а в его собственные времена отчасти зависевшее от ак-

тивности его недругов (см. «Необыкновенную историю»), исключительно прочно и последовательно.

Проблема влияния Гончарова-художника на русский и мировой литературный процесс до сих пор не ставилась в теоретическом плане. Но именно этот ракурс и интересен прежде всего. Сегодня уже накоплена некоторая фактологическая база эмпирических наблюдений, позволяющих хотя бы в общих чертах представить закономерности, лежащие в основе обсуждаемой проблемы. Прежде всего речь идёт о простейшем и наименее спорном типе влияния – о влиянии образного ряда и мотивов, господствующих в произведениях писателя. Например, Гончаров создал своего Обломова, который сам стал определённым символом, «сверхтипом», всё более широко вовлекаемым в мировой художественный процесс (в особенности, когда речь идёт о судьбе цивилизации, о невольном, но постоянно воспроизводимом противополжении прогресса и подсознательной памяти человечества о «материнской утробе», «первоначальном покое»). Спектр философского осмысления столь широко трактуемой, да ещё интуитивно-художественно выраженной гончаровской идеи весьма широк – от примитивного калькирования образа «ленивца» Обломова (с прямым упоминанием гончаровского персонажа) до едва заметных переключек с романом Гончарова на уровне эмоциональной и философской настроенности.

Случаи «открытого» калькирования образа-символа Обломова дали, например, национальные литературы бывшего СССР. Так, в повести абхазского прозаика Фазиля Искандера «Чик идет на оплакивание» Илья Обломов представлен в своей вполне предсказуемой социально-психологической сущности, так что роман «Обломов» для абхазского прозаика становится в один ряд со сказкой М. Е. Салтыкова-Щедрина о двух генералах: «Чик слышал, что абхазские князья самые ленивые в мире. Чик читал книжку о самом ленивом русском барине Обломове. Интересно, если высадить на необитаемом острове абхазского князя и Обломова, кто из них первым возьмется за труд? Головоломная задача! Обломов, пожалуй, добрей и попроще. Он в конце концов, несмотря на лень, согласился бы первым вскарабкаться на кокосовую пальму, но Чик понимал – не сможет, мускулы слабые».

В этом же ключе – на уровне не слишком сложной проблематики «лени» или «безволия» в образе Ильи Ильича Обломова – разрабатывает гончаровскую традицию киргизский писатель Узак Абдукаимов в романе «Битва», произведении, которое киргизские школьники изучают в курсе родной литературы. Роман, посвящённый теме Великой Отечественной войны, её роли в судьбах киргизского народа, подтверждает мысль, высказанную Р. Кыдырбаевой, – мысль о том, что становление крупных прозаических жанров в киргизской литературе проходило «под влиянием русской литературы».

В романе «Битва» писатель проводит параллель между гончаровским героем и одним из центральных персонажей романа – Качике Ормоновым, который задуман как своеобразный «двойник» Обломова – в психологическом плане. Качике Ормонов на протяжении всего романа борется с собой, с «обломовщиной» в себе, и в этом заключается психологическая доминанта образа. Качике – человек мяг-

кий, нерешительный, добрый, мечтательный. Его отличают интеллигентность, внутреннее чувство исключительной порядочности. Много в этом плане напоминает в нём Илью Ильича (без психологической и философской глубины гончаровского героя). Но, как и Обломов, киргизский герой безволен; мучаясь сознанием того, что он живёт неправильно, нецелестремлённо, он тем не менее не может преодолеть себя. Ему свойствен тот комплекс вины, который отличал и героя Гончарова, говорившего: «Мне давно стыдно жить на свете». В мыслях к этому постоянно возвращается и Качике Ормонов: «Сделал ли я что-нибудь путное, нашёл ли свое призвание? Всё упустил – и время, и счастье. Всего боялся, всех стеснялся, терялся перед первым препятствием»⁶.

Параллель с Обломовым построена в «Битве» прежде всего в рамках проблемы воли и безволия. В начале романа Качике Ормонов предстаёт перед нами как законченный «обломовец». Как и Илья Ильич, он сторонится активной жизни, заменяя ее разработкой своих жизненных планов. Правда, в отличие от Гончарова, У. Абдукаимов не иронизирует над своим героем: «Битва» – типичное произведение соцреализма, с оптимистическим и выпрямленным финалом, мало учитывающим сложность жизненной драмы героя. О своём герое У. Абдукаимов говорит: «Голова была полна планов, но, пока он думал о своём призвании, жизнь шла своим чередом. Он давал себе твердое обещание завтра же начать все заново, но, увлеченный будничным потоком, убаюканный похвалами, все откладывал и откладывал выполнение своих планов». И Обломов, и Качике в «ясные минуты» понимают драматизм ситуации. Для Обломова моментом, в который он оглядывается на всю свою жизнь и пытается переделать ее, является его любовь к Ольге Ильинской. Для Качике Ормонова это война: «Война не только перевернула всю жизнь Качике, она была тем сильным толчком, который разбудил его, заставил оглянуться на прожитое, сурово оценить». Оба героя задают себе вопрос: «Кто же виноват?» Сходство обеих персонажей настолько очевидно, что в романе «Битва» не случайно появляется и имя гончаровского героя. В борениях с собой Качике Ормонов вспоминает о своём «двойнике»: «А ведь и у Обломова была если не цель, то все же свой идеал, и он стремился душой к этому идеалу... Вот именно душой. А делами? Шевельнул ли он хоть пальцем, вышел ли на борьбу за свой идеал? Лежал себе, убаюканный своими мечтами, в пуховых объятиях своих желаний и благих намерений. Чем я был лучше Обломова?»

Герой постоянно сравнивает себя с Обломовым и при этом как бы раздваивается: «Стоило ему почувствовать в себе Качике-Обломова, он переставал верить в реальность первого Качике, считал его призраком...». Или в другом месте: «Сколько раз он вскакивал, как Обломов, полный решимости покончить со своим прозябанием, но, как Обломов же, остывал и снова погружался в сон и мечты». Элемент «гамлетовского» сомнения, столь свойственный Илье Ильичу, присутствует и в характере героя «Битвы».

Дело в конечном счёте не в каких-то совершенно конкретных параллелях и перекличках. Главное то, что вся концепция характера Качике Ормонова основана на сходных с гончаровскими принципах изображения человека. Это драматичная борьба человека с самим собой. Правда, в образе Обломова заключено огромное

философско-психологическое обобщение. Он стал символом и одним из самых глубоких и масштабных типов в мировой литературе, наряду с Гамлетом и Дон-Кихотом. Естественно, масштаб художественных обобщений несопоставим, когда речь идёт о Качике Ормонове. Качике – всего лишь вариант человеческой судьбы. Но всё-таки важно, что, творчески осмысливая художественный опыт русского классика, У. Абдукаимов задумывается над главными вопросами гончаровского романа, один из которых состоит в том, почему же Илье Ильичу так и не удалось преодолеть в себе «обломовщину».

Совершенно очевидно, что киргизский прозаик как представитель соцреализма видит причину этого в сословной замкнутости жизни гончаровского героя, в его оторванности от народной жизни. У. Абдукаимов, показывающий судьбы многих людей в преломлении событий Великой Отечественной войны, главное внимание обращает именно на то, как меняет человека приближение к общенародной жизни. Отсюда и оптимистический финал романа. Качике Ормонов сумел преодолеть в себе безволие и «страх жизни». Связано это с тем, что он всё более и более от своих личных переживаний, сомнений, бесконечной рефлексии приходит к переживаниям за судьбу страны, своего народа. Слово «обломовщина» является ключом к роману У. Абдукаимова, поэтому в свете гончаровского романа видит себя не только сам герой: так видят его и другие. Это несомненное эстетическое упрощение. В училище, например, командир взвода Ормонова лейтенант Щербань обращается к нему: «Мы хотим, чтобы вы офицером стали и, прежде всего, человеком стали... Не думайте, что никто вас не видит, не прячьте голову. Что это? Обломовщина?.. Будьте, наконец, человеком...». Качике Ормонов, уже в боях за Кёнигсберг, будучи командиром роты, «будто переродился». В начале романа «Битва» Качике Ормонов предстаёт перед нами человеком, ищущим опеки. Его опекает жена Чаныркан (в определённой мере это значительно переосмысленный и трансформированный вариант образа Агафьи Матвеевны).

У. Абдукаимов как представитель молодой ещё киргизской прозы пытается осмыслить и адаптировать к требованиям соцреализма художественный опыт автора «Обломова». Несмотря на неизбежные упрощения, опыт Гончарова помог ему создать психологически насыщенный образ человека, превратившегося из мягкого, безвольного мечтателя в подлинного патриота своей Родины, отдающего ей свою жизнь. Если в образе Качике Ормонова есть определённая глубина, то связано это во многом с тем, что Абдукаимов проявляет вслед за Гончаровым определённый интерес к проблеме национального характера.

Но и русская литература XX в. даст нам при внимательном рассмотрении немало интересных фактов. Весьма любопытен, например, опыт Василия Шукшина, который, обратясь к проблеме глубинного менталитета русского человека в сатирической философской сказке «До третьих петухов», не нашёл более значимого и характерного образа-обобщения, чем Илья Обломов. В «Сказке про Ивана-дурака, как он ходил за тридевять земель набираться ума-разума» В. М. Шукшин представил Обломова как действующее лицо. Шукшин шаржированно изображает гончаровского героя, заостряя в его образе черты барственности и, наоборот, за-

тушёвывая то хорошее, что также есть в характере Обломова. Это отвечает «сказочной» художественной задаче писателя.

Второй вариант гончаровского влияния на современную литературу XX–XXI вв. намного сложнее первого. Сегодняшняя наука начинает искать влияние Гончарова на мировой литературный процесс в весьма широком контексте, порою неожиданным. Так, например, речь идёт о влиянии Гончарова на американскую литературу. Характерна статья Г. Димент «Гончаров и Беккет»⁷. Выдающийся писатель XX в., лауреат Нобелевской премии 1969 г. Сэмюэль Беккет⁸ познакомился с романом «Обломов» (а затем, очевидно, и с другими произведениями Гончарова) в 1937 г., по совету своей знакомой Пегги Гуггенхайм, которая впоследствии вспоминала: «Я заставила его прочитать этот роман, и он, конечно, сразу же узнал себя в этом странном и флегматичном персонаже» (перевод Г. Димент). Беккет настолько сам оказался поражён своим сходством с Обломовым, что стал подписывать свои письма его именем. Многие американские критики проводят прямые параллели между героями Гончарова и Беккета.

Другое имя – известный ирландский писатель Джеймс Джойс. Одна из участниц Международной Гончаровской конференции 2007 г. американский профессор Галя Димент (Сиэтл) пишет: «К Гончарову я пришла каким-то образом через Джойса, у которого меня очень интересовало то, что в его романе «Уллис» он как бы «разделил» свою личность и автобиографию между двумя главными героями – Стивеном и Блумом... дядюшка и племянник Адуевы выполняют такую же функцию у Гончарова в “Обыкновенной истории”...»⁹. Она же отметила влияние Гончарова на Вирджинию Вульф.

По мнению исследовательницы, русский писатель ставил перед собою следующие задачи в своих романах: «1. Обнаружить “внутреннюю” автобиографию, которую только он один мог опознать. 2. Скрыть “внешнюю” автобиографию, которую он не желал, чтобы кто-то увидел, кроме него. 3. Сохранить сильную степень обособленности между собой как автором и своим человеческим опытом. 4. Высмеять веру в то, что последовательность событий в “романе воспитания” имеет что-то общее с человеческим прогрессом». Тем самым Гончаров предвосхитил «подобные усилия и результаты работы двух наиболее влиятельных романистов будущего столетия – Вирджинии Вульф и Джеймса Джойса»¹⁰.

Влияние Гончарова на мировой литературный процесс растёт исподволь, но прочно, при этом – всё более ускоренно и заметно. Уже сегодня ясно, что представление о примитивном бытописателе крайне устарело. Гончаров при жизни был писателем элитарным, таковым остаётся и сейчас. Более того, чем дальше отодвигается его творчество в прошлое, тем современнее оно становится. Гончаров оказался писателем даже не XX-го, а XXI-го века.

¹ Уже первые критики «Обыкновенной истории» почувствовали пушкинскую основу романа Гончарова. См.: Пантеон и репертуар русской сцены. – 1848. – Т. II. – Кн. 4. – Отд. IV. – С. 53. Со временем пушкинские традиции в творчестве Гончарова так или иначе отмечали многие критики и исследователи. См., например: И. А. Гончаров в русской критике. – М., 1958. – С. 33; *Дружинин А. В.* Прекрасное и вечное. – М., 1988. – С. 126; *Мережковский Д. С.* Основные особенности таланта и творчества И. А. Гончарова // *Прилуко-*

Прилуцкий Н. Г., сост. Корифеи русского слова. Сборник критических и биографических статей для средней школы и самообразования. Вып. 11. Гончаров. Жизнь и творчество. – СПб., Варшава, 1912. – С. 6; *Ляцкий Е.* Гончаров. Жизнь, личность, творчество. Критико-биографические очерки. Изд. 2-е. – СПб., 1912. – С. 75; *Щеголев П. Е.* И. А. Гончаров – цензор Пушкина // *Голос земли.* – М., 1912. – № 20. – С. 4–5; *Цейтлин А. Г.* И. А. Гончаров. – М., 1950. – С. 59–60; *Гуковский Г. А.* Пушкин и проблемы реалистического стиля. – М., 1957. – С. 130; *Сомов В. П.* Пушкинские традиции в прозе И. А. Гончарова 30-х годов // *Уч. зап. МГПИ им. В. И. Ленина.* – № 135. – М., 1969; *Мельник В. И.* «Пушкинские дуэли» в «Обыкновенной истории» И. А. Гончарова // *Вопросы творчества и биографии А. С. Пушкина. Тезисы докладов и сообщений межвузовской научной конференции.* – Одесса: Одесский госуниверситет, 1992. – С. 91–93; *Мельник В. И.* Пушкинские реминисценции в «Обрыве» И. А. Гончарова // *Русская культура и Восток. Третьи Крымские пушкинские чтения. Материалы.* – Симферополь, 1993. – С. 26–27; *Мельник В. И.* Пушкинские мотивы в «Иване Савиче Поджабрине» И. А. Гончарова // *Пушкин и славянский мир. Пятые крымские Пушкинские международные чтения. Материалы.* – Симферополь, 1995. – С. 47–48; *Мельник В. И.* Пушкинские традиции в романе И. А. Гончарова «Обломов» // *Гончаровские чтения. 1995-1996.* – Ульяновск, 1997. – С. 59–64; *Мельник В. И.* «Я воспитался его поэзией...» (Пушкинские традиции в романах Гончарова) // *Мысль, слово и время в пространстве культуры. Межвузовский сборник научных трудов.* – Вып. 2. – Киев, 2000. – С. 56–74 и др.

² *Аннинский И.* Эстетика «Мертвых душ» и ее наследие // *Аполлон.* – 1911. – № 8. – С. 55; *Цейтлин А. Г.* И. А. Гончаров. – М.-Л., 1950. – С. 390-395; *Храпченко М. Б.* Творчество Гоголя. – М., 1956. – С. 560–563; *Пруцков Н. И.* Мастерство Гончарова-романиста. – М.-Л., 1962. – С. 15–69; *Демиховская О. А.* Эстетическая традиция Пушкина и Гоголя в творчестве И. А. Гончарова // *Проблемы изучения художественного произведения...: Тез. докладов.* – М., 1968. – Ч. 1. – С. 101–102; *Краснощечкова Е. А.* «Обломов» И. А. Гончарова. – М., 1970. – С. 8–18; *Harper K. E.* Text Progression and Narrative Style // *American Contributions to the 8th International Congress of Slavists, Zagreb and Ljubljana, Sept. 3–9, 1978. Literature.* Columbus (Ohio), 1978. – Vol. 2. – P. 223–236; *Казарин В. П., Чернета Л. Т.* Образ Александра Адуева и письма молодого Н. В. Гоголя: (К типологии романтической миросозерцания) // *Вопросы русской литературы.* – Вып. 2 (48). – Львов, 1986. – С. 44–51; *Тихомиров В. Н.* И. А. Гончаров: Лит. портрет. – Киев: Лыбидь, 1991. – С. 102–105; *Васильева С. А.* К вопросу об эстетической позиции молодого И. А. Гончарова // *Актуальные проблемы филологии в вузе и школе.* – Тверь, 1992. – С. 140–141; *Мельник В. И.* Гоголевская традиция в «Обрыве» // *Традиции в контексте русской культуры. Материалы научной конференции.* – Череповец, 1992. – С. 64–66; *Балакишина Ю. В.* Осмысление типа романтика в повести Н. В. Гоголя «Невский проспект» и романе И. А. Гончарова «Обыкновенная история» // *Творчество Н. В. Гоголя: истоки, поэтика, контекст. Межвуз. сб. науч. тр.* – СПб.: Изд-во РГГМИ, 1997. – С. 13–19; *Юдина М. Б.* Гоголевское «кольцо» Гончарова // *Историко-литературный сборник.* – Тверь, 1999. – С. 96–107; *Leblanc R. D.* Food, orality, and nostalgia for childhood: Gastronomic slavophilism in midnineteenth-century Russian fiction // *Russ. rev.* Syracuse (N.Y.), 1999. – Vol. 58. – P. 244–267; *Koschmal W.* Postrealismus in Russland: Ivan Goncarovs spite Erzulungen // *Russian Literature.* 2002. – LI. – P. 421–442 (в данной работе традиции Гоголя обнаруживаются в таких произведениях Гончарова, как «Уха» и «Май месяц в Петербурге») и др.

³ Письмо из личного архива В. И. Мельника.

⁴ Жужанна Зельдхейи-Деак. Первый венгерский перевод «Обломова» И. А. Гончарова // *Studia Slavica Hung Academia Kiado, Budapest.* 1993. – 38/1-2. – Sz. 238.

⁵ Неделя. – 1891. – № 38.

⁶ Цитаты приводятся по изданию: *Абдукаимов У.* Битва. В 2-х томах. – Фрунзе, 1961 – 1966.

⁷ *Галя Димент*. Гончаров и Беккет // И. А. Гончаров. Материалы Международной научной конференции, посвящённой 195-летию со дня рождения И. А. Гончарова. – Ульяновск, 2008. – С. 310–314.

⁸ Недавно вышла его биография: *Dukes G. Samuel Beckett*. – Woodstock and New York: Overlock Press, 2002. См. рецензию на эту книгу: *Савченко А. Л.* Новая книга о С. Беккете // Филологические записки. Вестник литературоведения и языкознания. – Вып. 25. – Воронеж. 2006. – С. 308–310.

⁹ *Галя Димент*. Гончаров и Беккет // И. А. Гончаров. Материалы Международной научной конференции, посвящённой 195-летию со дня рождения И. А. Гончарова. – Ульяновск, 2008. – С. 310. Автор статьи упоминает о факте знакомства Джойса с романом «Обломов» (с. 311).

¹⁰ Цит. по кн.: *Краснощекова Е. А.* Иван Александрович Гончаров. Мир творчества. – СПб., 1997. – С. 85.